

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

МИХАИЛ ПОГОСОВ

ЭЛЬЗА ДАВТЯН

**СИРИЙСКИЙ
КАПКАН**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П43

В оформлении обложки использована
фотография *Константина Лазарева*

Погосов, Михаил Еремович.
П43 Сирийский капкан / Михаил Погосов,
Эльза Давтян. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168967-4

В разгар военного конфликта в Сирии пропадают без вести брат и сестра, французские представители Красного Креста. Их родители давно погибли, из ныне живущих родственников остался только дед Олег Валентинович, очень влиятельный во Франции человек. Он обращается к французскому правительству с просьбой помочь отыскать внуков. Но ему отказывают. Тогда Олег Валентинович идет на отчаянный шаг и просит помощи у российской стороны. Здесь ему обещают неофициальное содействие. В охваченную войной страну направляется группа русского спецназа, готовая к самым неожиданным поворотам событий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Погосов М.Е., Давтян Э.С., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168967-4

МОСКВА. 2014 ГОД

Между двумя соседними могилами стояла большая береза. Никто не знал, кто и когда ее сюда посадил. С весны и до поздней осени она красиво склонялась над землей и становилась естественным зеленым шатром, «оберегая» покой усопших. Егор отворил маленькую железную кованую калитку. Он подошел к могильному камню и, присев на корточки, убрал засохший букет.

— Ну, здравствуй! Прости, что давно не приходил. Командировка... очередная, понимаешь?!

Мужчина достал из-за гранитного надгробия сложенную тряпочку и тщательно протер холодный камень. Могила всегда была ухоженной — ему нравилось тут «наводить порядок».

Весна в этом году хоть и была ранней по московским меркам и снег везде растаял, но все равно было холодно, мокро, грязно. Егор развернул вошпенную бумагу со свежими желтыми розами — ее любимые цветы — и поставил их в небольшую каменную вазу у изголовья. Он еще немного посидел на скамейке между могилами, которую установил

кто-то из родственников похороненного в соседней могиле человека. Егор долго, почти шепотом разговаривал с ней, рассказал все последние новости, в очередной бесчисленный раз повторил, как сильно скучает...

В первое время мужчина приходил сюда почти ежедневно. Потом через день, потом через три, потом...

— Здравствуй, дорогой! — услышал Егор за спиной приветливый голос Алишера.

— Привет! — поздоровался он с работником кладбища.

— Все хорошо?! Давно ты не приходил. Я думал, может, заболел! Но не беспокойся, я, видишь, тут все убрал, все почистил.

— Спасибо тебе.

В нагрудном кармане куртки Егора вот уже несколько минут вибрировал мобильник. Сейчас ему совершенно не хотелось ни с кем разговаривать, и он достал маленький кнопочный телефон, чтобы сбросить вызов, но, увидев высветившийся на дисплее номер, понял, что лучше ответить.

— Слушаю! Да. Буду через час. Ясно! Во сколько вылет?

Он еще минуту постоял, затем нежно провел рукой по фотографии на камне.

— Прости, мне пора.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

Пара шагов назад — и Егор оказался уже за оградой.

— Алишер, меня не будет какое-то время. Пригляди тут за могилой... и цветы поменяй, когда эти завянут... Ну, в общем, ты сам все знаешь.

Егор достал из кармана купюру, протянул ее исполнителю таджику и, не оборачиваясь, пошел в сторону машины.

РОССИЯ. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Над небольшим селом поднимался сырой утренний туман. В горах рассвет всегда холодный, даже если днем было тепло. У Егора затекло все тело. Вот уже несколько часов они, не шевелясь, на пару со своим боевым товарищем Голиафом, лежали за большими валунами в засаде. Расстояние между ними было приличное, рассчитанное по принципу «ножниц» для стрельбы по предполагаемому противнику. В маскхалатах, обложенные со всех сторон мхом, с тщательно замаскированными «веслами»¹, они не могли себе позволить даже пошевелиться. Прямо перед Егором на расстоянии в пару метров за стебелек цветка зацепилась какая-то веточка, очевидно, принесенная ночным ветром. Она назойливо колыхалась на ветру. У Егора от этого постоянного покачивания чертовой веточки

¹ Винтовка «СВД» — жарг. Здесь и далее прим. автора.

нервы были уже на пределе. Но ни отодвинуться, ни убрать ее он не мог.

— Профессионал хренов, все рассчитал, а ветку не учел, — проворчал он про себя.

Задание было очень важным. Наши давно уже безуспешно охотились за этим типом. Он вербовал для боевиков пополнение в разных странах, в основном в Средней Азии. Несколько раз «заезжал» к нам на Кавказ. Но выследить его никак не удалось. Наконец с большим трудом контрразведка с помощью внедренных в стан противника агентов сумела выйти на него. Ребята с ночи засели на окраине горного дагестанского села.

Снайперы контролировали выходы из указанного оперативниками дома. Было раннее утро — самый сложный момент в операции. Ночные приборы уже не действовали, а воздух по-прежнему не был до конца прозрачным.

Егор еще раз внимательно оглядел прилегающие к нужному дому улицы и дворы. Хоть в деревнях и вставали рано, но пока никакой активности не наблюдалось. Тишину нарушало только веселое, громкое щебетание птиц, очевидно, приветствующих приход весны.

— Он вообще здесь? — послышался в наушнике голос Голиафа.

— Если верить разведке, здесь, — спокойно ответил Егор своему стрелку.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

Голиаф находился в четырехстах метрах справа от него и нервно поглядывал на часы.

— Скоро стада овец пойдут с собаками. Нас точно раскроют, начальник, — предупредил он.

— Хватит меня уже начальником называть! — сдержанноотреагировал Егор. Его раздражало это неуставное словечко — обращение из жаргона воров и их антагонистов. А Голиафа, наоборот, веселило, когда ему удавалось «пробить» броню спокойствия и уверенности, присущих его командиру.

— А кто ты еще?! Начальник, он и есть начальник! — с усмешкой сказал стрелок. — Так что делать будем? Засекут нас, как пить дать!

— Не засекут. Собаки нас не учуют. После такой-то обработки этой вонючей мазью... Не зря я Димку заставил из Германии самую лучшую привезти. Двести евро за нее отдал, — с досадой произнес Егор.

— И чего это наши не додумаются такую же сделать? От нашей одни только бабы шарахаются. А немецкая — сила! Натерся, и все — ни одна сука неделю не подойдет! — проворчал Голиаф.

— Так у немцев опыт какой! Они на этих овчарках собаку съели! — усмехнулся каламбуру Егор.

— И что мы за люди такие! Полночи сидим, и каждое второе слово — то сука, то собака, то овчарка... то немцы.

— Ща, как объект наш увидишь, так поймешь, что собаки намного лучше.

— И сколько нам еще сидеть? А если он вообще сегодня не выйдет?

— Сидим до последнего, — немного помедлив, приказал Егор. — И еще. Палиться нам никак нельзя. Они в гостях у человека, который вынужденно пошел с нашими на контакт. Раскроют нас — завалят его со всей семьей сразу, для профилактики...

— Вижу движение, начальник! — перебил напарника Голиаф.

Егор посмотрел в прицел и увидел, как в нужном им дворе открылись зеленые деревянные ворота. Из них выехал синий джип с затемненными стеклами и двинулся по грунтовой дороге в сторону границы с соседней республикой. Водительское стекло автомобиля было приспущено, и Егор неплохо разглядел водителя в кепке и молодого бородатого пассажира в военной форме, расположившегося на переднем сиденье.

— Стреляем по готовности. Мой — правый!

Через пару секунд, практически синхронно, ребята из засады произвели по одному выстрелу. Сидевшие на переднем сиденье боевики дернулись и откинулись на руль и разбитое боковое стекло. Машина проехала еще метров пятьдесят и уперлась в обочину. Задние двери резко распахнулись, и из

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

джипа выскочили еще два боевика. Один из них, высокий темноволосый крепыш, успел несколько раз выстрелить в сторону Егора, прежде чем его настигла пуля Голиафа. Второй мужчина был постарше и посolidнее других. Целью сегодняшней охоты являлся именно он. Боевик вытащил из машины упирающуюся девочку лет двенадцати в синем платье и, прикрываясь ею, как щитом, стал палить из автомата в направлении стрелявших. Мужик перебежками пытался отступить к дому, откуда они только что выехали. Худенькая темноволосая заложница плакала и пыталась вырваться из крепко схвативших ее рук, чем только злила боевика. Мужчина крепко держал ее перед собой и грубо толкал, что-то громко выкрикивая, но из-за приличного расстояния Егор не мог его слышать. Он никак не мог прицелиться в террориста, так как ребенок все время двигался, пытаясь отцепить от себя руку мужчины и не давая возможности стрелку захватить и удержать объект в прицеле. Внимание Егора отвлекло какое-то движение со стороны дома. Он быстро перевел взгляд в ту сторону, и его прошиб холодный пот. Из деревянных ворот, держа автомат в руках, выбежал, по всей вероятности, отец девочки и бросился на помощь своему ребенку. Но боевик опередил его и точным выстрелом ранил мужчину в бок. Раненый упал на одно колено и тяжело поднял автомат. Превозмогая сильную боль, он прицелился в боевика, но выстрелить не рискнул —

понимал, что может попасть в девочку. От бессилия мужчина опустил оружие и стал заламывать руки. Тем временем у боевика заклинило автомат. Крепко выругавшись, он отбросил его в сторону и достал из кармана пистолет. Бандит приставил оружие к голове девочки и стал что-то кричать ее отцу, возбуждаясь все больше и больше. Несчастный мужчина стал отвечать и просить бандита отпустить заложницу, но тот вдруг вскинул руку и выстрелил, ранив отца еще и в плечо. Бедная девочка, и так напуганная до полусмерти, увидев, что ее родной человек истекает кровью, резко дернулась, освободилась от руки стрелявшего и бросилась к отцу.

— Папа! Папа! Не умирай!

Боевик этого никак не ожидал и на секунду полностью открылся. И снайпер наверху не преминул этим воспользоваться. Егор молниеносно нажал на спусковой крючок, и его пуля нашла свою жертву. Но за долю секунды до смертельного ранения озверевший бандит выстрелил в спину бежавшей к отцу девочки. Раненый отец увидел, как его дочь упала. Он в отчаянии замер и ждал, когда девочка сделает хоть какое-нибудь движение, но она больше не подавала признаков жизни. Несчастный издал нечеловеческий рык. Воя и проклиная все и всех на свете, он пополз в ее сторону. Но девочке уже ничем нельзя было помочь — пуля попала ей прямо в сердце. Из дома с криками и плачем выбежали

несколько женщин, которые наверняка наблюдали за происходящим на улице из окон, и со всех ног бросились на помощь ребенку...

СИРИЯ. КЕСАБ

Снаряд, выпущенный из гранатомета, разорвался совсем рядом с баррикадой, наскоро сооруженной из подручных средств.

— Отец! — закричал молодой человек лет двадцати и побежал в ту сторону.

— Не надо! Не надо тебе это видеть! — остановил его Арам. — От него мало что осталось. — Он кивнул в сторону окровавленных останков их товарища.

Арам прижал к себе рыдающего сына дяди Аршо. Юноша пытался вырваться из объятий, но крепкие руки ему этого не позволяли. У самого Арама в глазах стояли слезы, а на скулах ходили желваки: «Сколько же еще это будет продолжаться?»

— Арам, нам раны нечем перевязывать! Все закончилось! — подбежал к ним Доктор, как называли ополченцы Бедроса — студента мединститута из Дамаска, пару дней назад прорвавшегося в город для помощи своим родным и близким. «Работы» тут у него было сверх меры. Руки и одежда Доктора были перепачканы кровью.

— У нас в подвале целая коробка бинтов должна быть. Я быстро, — взглядом Арам указал на юношу,

крепко прижавшегося к нему, и Бедрос, приобняв, повел его в сторону от останков отца.

Арам, воспользовавшись передышкой в бою, побежал по дорожке, ведущей прямо к его дому. Это было совсем близко. Он миновал раньше всегда ухоженный зеленый газон, на котором до сих пор стояли детские качели и песочница его детей. Быстро свернул с мостовой на песчаную дорожку. Увидев свой дом, мужчина горько усмехнулся. Это был один из самых красивых домов Кесаба. Он сам его спроектировал, впрочем, как и еще многие постройки в их городе. Ведь по профессии Арам был архитектором. Он поставил автомат на предохранитель, перекинул его уже ставшим привычным движением за плечо, забежал в дом и, держась одной рукой за стену, спустился в подвал. Электричества в городе уже давно не было. Когда Арам с коробкой бинтов был у самого выхода из подвала, ему показалось, что в доме кто-то разговаривает. Это удивило ополченца! Он был абсолютно уверен, что его семья покинула город с остальными беженцами. Хозяин дома поставил коробку на пол и, вскинув автомат, потихоньку приоткрыл дверь в комнату.

— Аствац!¹ Почему вы все еще здесь? Я же велел вам уходить вместе с семьей Меружана! — в ужасе воскликнул он, увидя в комнате жену, детей и сво-

¹ Господи! (арм.)

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

яченицу. — Ты что, не понимаешь, что они с вами сделают? Хоть о детях подумала бы!

— Ты жив! Слава Богу! — радостно воскликнула красавица Ашхен. — Прости меня, прости! Мне было так страшно! Я даже не знала, жив ли ты! — кинулась она к мужу.

— Дура! Какая разница — жив или нет! Детей надо спасать! Быстро бегите в церковь! Оттуда с минуты на минуту будут всех эвакуировать! — оттолкнул Арам от себя жену.

Он опустил на колени, обнял детей.

— Запомни, ты — мужчина! — твердо сказал он своему маленькому сыну. — Что бы ни случилось со мной... с нами — идите в Бейрут, к бабушке. Ты понял меня?! И позаботься о сестре!

Арам перевел взгляд на свою маленькую дочурку, дотронулся до ее замечательных пружинистых кудряшек, и на его глазах появились едва заметные слезы.

— Вы армяне, помните об этом! Никогда не забывайте вашей фамилии! Вы — Таниеляны! Таниеляны!

Услышав звуки возобновившегося боя, отец быстро обнял сына и дочь, с досадой посмотрел на жену и, махнув рукой, выбежал из дому.

— Арам! Арам! Подожди! — Ашхен устремилась вслед за мужем. — Прости меня! Не уходи так! Я все... все сделаю, как ты сказал!

Она подбежала к Араму. Тот схватил ее в охапку, заглянул в любимые бездонные темно-зеленые глаза и крепко прижал к себе.

— Прости! Я просто очень... очень люблю вас! А сейчас — беги! Спасай детей!

И тут, слишком поздно, он услышал характерный свист артиллерийской мины! Рядом с ними, прямо на их зеленую лужайку, где они всей семьей любили поиграть, погонять мяч, упал снаряд, выпущенный из миномета. И унес жизни обоих. За происходящим с ужасом наблюдал семилетний Вазген, названный так в честь дедушки. Он побежал вслед за плачущей матерью и увидел страшную гибель своих родителей. Мальчик дико закричал! Он хотел броситься к ним, но малыша буквально перехватила на бегу выскочившая следом из дома тетя. Мариам схватила ребенка за руки и крепко прижала к себе, стараясь спрятать его глаза, не дать увидеть окровавленные родительские тела.

— Куда ты?! Туда нельзя, Вазген-джан, нельзя! Нет, нет, нет, Вазген-джан! Не надо! Не смотри!

Вазген, захлебываясь от слез и не в силах от горя что-либо произнести, продолжал вырываться из рук тети. Мариам, сама того не желая, посмотрела в сторону лужайки, куда он так отчаянно рвался, и похолодела от ужаса.

В дверях дома появилась маленькая Армине. Она застыла, увидев окровавленные тела, кажется,

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

не понимая до конца, что произошло. Мариам, увидев племянницу и ее остекленевший взгляд, громко завyla и бросилась к девочке, не выпуская из рук Вазгена. Она встала на колени и, крепко прижав к себе сирот, стала, как маятник, раскачиваться из стороны в сторону, рыдая от горя и отчаяния.

Вдруг Мариам как будто очнулась. Понимая, что дети остались на ее попечении и времени у них совсем нет, она взяла себя в руки:

— Дети, вставайте! Нам надо идти, надо идти быстрее в церковь, в церковь, слышите?! Вазген, Армине, принесите ту синюю сумку и быстро бежим! Я только возьму на кухне воды.

Вазген как будто не слышал этих слов. Он продолжал заворуженно смотреть в сторону лужайки, не в силах пошевелиться.

Мариам встряхнула его за плечо.

— Вазген! Вазген-джан, вспомни, что сказал отец! Думай о сестре!

Слова тети вывели мальчика из оцепенения. Он схватил сестренку за руку, и они побежали в комнату за сумкой с документами и вещами, собранными матерью.

В эту секунду раздался новый зловеший свист и уже другой снаряд упал на дом, почти полностью разрушив его. Мариам погибла сразу от ранения в голову. Дети же чудом не пострадали — получили только несколько глубоких царапин и ссадин. Сильно

кашляя, они выкарабкались из-под обломков второго этажа и, с трудом ориентируясь в густом облаке пыли, стали ползти по груде камней, пытаясь вылезти наружу. Увидев тело тети, Вазген моментально все понял — во время войны дети быстро взрослеют. Он крепко прижал к себе сестру и прерывающимся от слез голосом повторил как заклинание:

— Запомни, если что-нибудь со мной случится, иди в Бейрут! Там наш дедушка! Запомни, Армине, ты армянка! Наша фамилия Таниелян! Найди нашего дедушку Вазгена!

Девочка послушно кивнула и, потрянув веселыми кудряшками, прижалась к брату.

— Десятый, как слышишь? Прием? — раздался резкий голос в наушнике.

— Первый, слышу вас хорошо! — ответил пилот, ожидая приказ.

— До цели двенадцать минут. Как поняли?

— Понял вас, до цели двенадцать минут, — от- рапортовал летчик.

— Цель в квадрате восемь. Эвакуация гражданских завершена. Поддай им жару, Иссам! — в почти автоматическом голосе появились человеческие нотки.

— Слушаюсь, командир! Конец связи.

Иссам Салим, молодой летчик ВВС Сирии, повел свой старенький СУ-24МК на снижение, при-

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

стально вглядываясь в горизонт. Салим знал, что искать! Он точно знал, что в квадрате восемь находится армянская церковь Кесаба. Иссам вспомнил, как любил гостить тут у своего лучшего друга Нораира, с которым учился в летном училище. После окончания учебного заведения их и распределили в один летный отряд, в 819-ю эскадрилью на базу Тияс, что рядом с Хомсом. Пару месяцев назад его друг погиб в бою, сбитый турецкими ПВО. Что стало с его родными, Иссам не знал. И теперь он должен будет нанести ракетный удар по этому всегда гостеприимному, красивому городу, по их святыне. Но другого выхода просто не было. Наступление боевиков на город нужно было остановить любой ценой.

В районе церкви тем временем шел ожесточенный бой. Хорошо вооруженные отряды боевиков продолжали наступление с турецкой стороны. Бой шел за каждый дом, за каждую улицу. Солдаты сирийской армии вместе с местными отрядами самообороны несли огромные потери. Всю ночь они изо всех сил пытались сдержать атаку противника, но силы были неравны. К утру положение стало просто отчаянным.

Сегодня капитану сирийской армии Али Азару исполнилось тридцать пять лет. Он был родом из под Дамаска, из семьи алавитов. Среднего роста, подтянутый симпатичный брюнет, с усиками, вот уже десять лет как счастливо был женат и воспитывал троих сыновей. Наверное, они жили слишком

хорошо, потому что кто-то проклял их жизнь и их страну. И наступил хаос. Али уже больше года не видел близких. Да у него не было даже времени думать о них! Столько смертей и горя он видел каждый день.

К капитану, пригибаясь, подбежал долговязый худенький связист и протянул рацию. Офицер зашел за баррикаду и приставил рацию к уху.

— Барс-3, Барс-3, это Сокол-1, у вас десять минут на эвакуацию гражданских! — услышал он приказ.

— Сокол-1, это Барс-3. Как — десять? Я просто не успею всех вывести! В церкви много женщин и детей! — возмущенно прокричал Али, хотя понимал, что спорить тут бесполезно.

Невозмутимый голос в радиии продолжил:

— Делай что хочешь, Али! Но убери их оттуда. У штурмовой авиации задача — снести все в Кесабе. Приказ никто отменять не будет! И вообще, по штабным данным, там никого уже не осталось! Конец связи.

Али бессильно уронил руку с рацией и растерянно посмотрел вокруг. Что можно было сделать за десять минут в такой обстановке?! Боевики наступали стремительно. Недостатка в людях и боеприпасах они не испытывали. С той стороны границы свежая сила поступала постоянно. За три дня боев этот небольшой зеленый город был почти полностью разрушен.